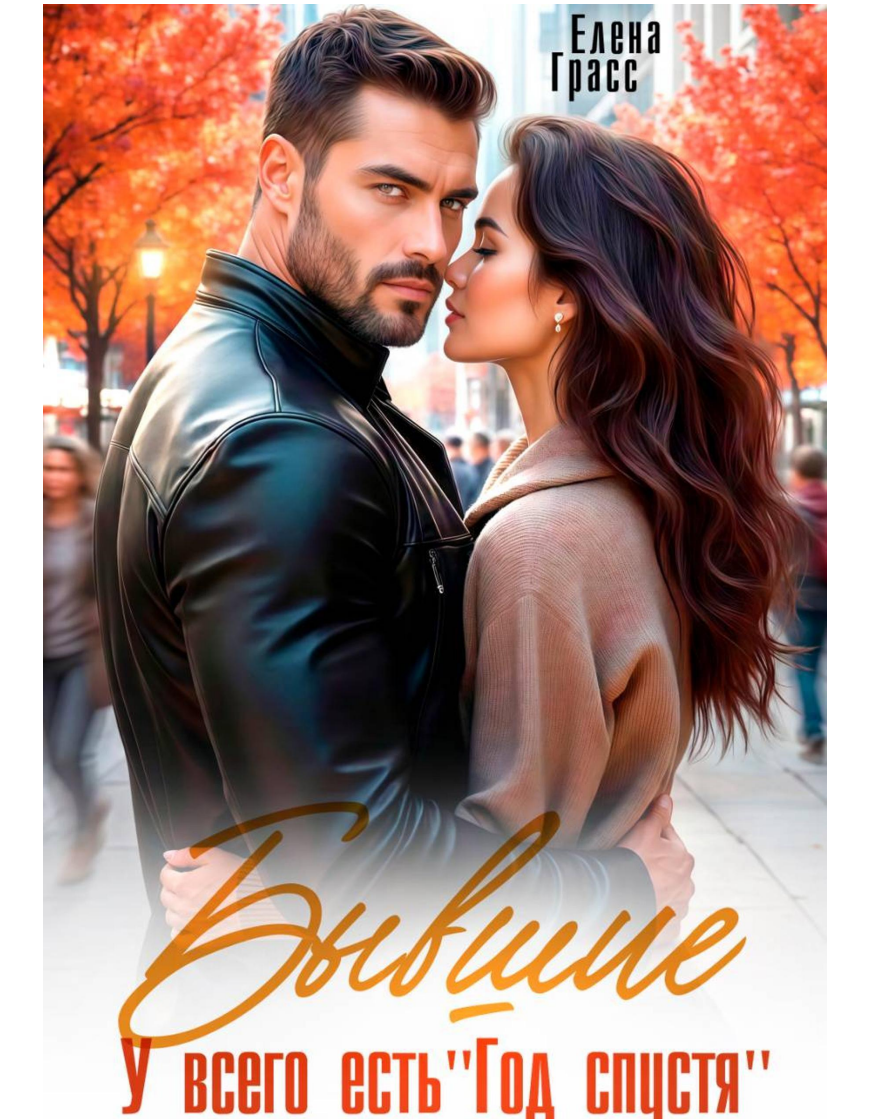

A romantic couple is shown in a close embrace on a city street. The man, on the left, has a beard and is wearing a black leather jacket. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a beige sweater. They are looking at each other with intense expressions. The background features trees with vibrant orange and red autumn leaves, and a blurred city street with other pedestrians.

Елена
Грасс

Бывшие

У всего есть "Год спустя"

Елена Грасс

Бывшие. У всего есть "Год спустя"

<https://litres.ru/74502569>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты эгоистка! — неожиданно резко говорит девочка упрёк своей матери. — Ты думала только о себе!

— Соня, — обрываю её, не позволяя продолжить. — Прекрати!

Она тут же замолкает и переводит на меня взгляд. Щёки у неё мокрые, нос покраснел, ресницы слиплись от слёз.

Девочка смотрит на меня исподлобья — обиженно и настороженно.

В её глазах читается упрямство. То самое упрямство, которое мне слишком хорошо знакомо: моё собственное.

— Почему ты защищаешь её?

— Потому что уверен: твоя мама не эгоистка. Она защищала тебя.

— От кого?! От тебя?

— Вероятно — пытаюсь подобрать слова и оправдать свою бывшую перед девочкой.

Оглядываюсь на Веронику. Она стоит в нескольких шагах от нас, скрестив руки на груди, и стороны может показаться, что она спокойна.

Но я помню, какой она бывает гордой.

И сейчас ничего не изменилось. Она не спокойна, она лишь пытается скрыть своё волнение и боль.

— Как ты можешь так говорить? — шепчет Соня. — Она же хотела разлучить нас

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Грасс

Бывшие. У всего есть "Год спустя"

Глава 1

Моё сегодняшнее утро начинается не с ароматного кофе и тишины, а со сложного квеста под названием: расшифруй эмоциональный фон дочери Сони.

Стоит мне только переступить порог кухни, как становится ясно: сегодня она не в духе.

И такое для меня в диковинку...

Нет, я не могу сказать, что Соня никогда не замолкает, но именно утреннее время всегда было нашим. Тем самым моментом, когда я могу спокойно узнать всё, чем живёт моя дочка.

Дочь сидит за столом, механически помешивая остывающую кашу, и смотрит куда-то сквозь стену.

На любые мои попытки завязать разговор — от банального «будешь чай с лимоном?» до «ты хорошо спала?» — она отвечает лишь коротким, почти незаметным кивком или тихим «угу».

Никаких историй про планы на день, никаких споров о

том, какой пенал лучше взять с собой. Ничего...

Только сосредоточенный, упрямый взгляд в одну точку и какая-то недетская взрослая погружённость в себя.

Я стараюсь не давить, списывая всё на лёгкое недомогание или банальный недосып, но лёгкая тревога уже поселяется где-то внутри.

Завтрак заканчивается — тишина. Мы одеваемся в прихожей, завязываем шнурки, проверяем, на месте ли сменка — тишина.

Едем в машине — тишина...

Пока мы собираем привычные пробки, я включаю радио и украдкой продолжаю наблюдать за поведением дочери.

Несколько раз я бросаю на неё взгляд через зеркало заднего вида, и она, заметив моё внимание, тут же отворачивается.

— Малышка... — начинаю вкрадчиво.

— Мам, я не малышка, — сразу даёт мне отпор.

— Прости. Красавица моя...

— Мам, я не красавица, — продолжает сопротивляться.

— Ну как же не красавицам, если ты для меня самая красивая девочка в мире!

— Ну, только если для тебя, — фыркает дочь.

— Сонь, что-то случилось? — сдаюсь своему волнению и иду на abordаж, спрашивая её откровенно.

— Ничего.

Ничего... Только я в её «ничего не верю». Ответ звучит

тихо и необедительно. Я слишком хорошо знаю свою дочь.

Когда у Сони действительно всё нормально, она не прячет глаза и не отвечает односложно. Она тараторит как трещотка.

— Сонь, я не успокоюсь, пока ты не скажешь мне правду. Тебя кто-то обидел? — вижу, что она не готова к диалогу, но другого времени для него, у меня, к сожалению, нет. Мы видимся с ней либо с утра, либо вечером, когда готовится ко сну.

Остальное время я на работе, она в школе, а вечером моя усердная девочка пыхтит над уроками.

Мне, честно говоря, с ней невероятно повезло. Она у меня на редкость самостоятельная, ответственная, никогда не требует напоминаний.

— Нет.

— В школе что-нибудь случилось?

— Нет, мам. А мы можем не разговаривать?

Теряюсь от такой несвойственной ей резкости.

— Совсем?

— Да, — супится.

— Как чужие люди?

— Да! — бросает она в ответ и резко складывает руки на груди, наглухо закрываясь от меня в этом детском, но таком защитном жесте.

Я тяжело вздыхаю, пытаюсь скрыть растерянность.

— Вот так новость...

Она ничего не отвечает, поджимает губы, но в глазах я замечаю едва сдерживаемое напряжение.

— Это не новость, это стресс и волнение.

— Перед чем? — я лихорадочно пытаюсь в уме перебрать все предстоящие события, олимпиады или праздники. Но ни одного важного события вспомнить не могу.

— Перед... Перед... — замечаю, как тщательно подбирает слова, вероятно, боясь выдать реальные переживания и мысли. — Перед контрольной!

Я смотрю на неё, удивлённо приподняв брови.

— Она у тебя сегодня? Ты не говорила.

— Мам, я просила: давай не будем разговаривать. Тебе нужно... сосредоточиться на дороге. Ты же за рулём! А это источник повышенной опасности! — сыплет умными словами моя гениальная дочь.

— Ух, какие слова ты знаешь в девять лет! — игриво приставляю, легко перебирая пальцами по кожаной оплётке руля. — И в кого ты у меня такая умная?!

Я жду привычной улыбки или хотя бы незаметной усмешки, но вместо этого встречаюсь с холодным и чужим взглядом.

— Ты мне скажи, — неожиданно выдаёт фразу, которую я никак не планировала услышать.

Я на секунду теряю дар речи.

— Что... сказать?

— В кого я такая умная, скажи мне. В тебя или в отца?

Глава 2

— Какие странные вопросы ты задаёшь, — делаю вид, что выполняю её просьбу и сосредотачиваюсь на дороге.

— Простые.

— Раньше ты подобные не задавала.

— Мам, скажи, — теперь я уже сама жалею, что начала этот допрос о её настроении. Лучше бы я молчала.

— В меня, конечно.

— А папа... Он какой?

— Обычный. Сонь, не время и не место говорить о нём!

— А когда время и место?

— Не знаю... — не нахожусь назвать конкретную дату. Знаю — она не отстанет потом.

— Я поняла... — говорит дочь таким тоном, словно это предвещает какое-то предупреждение или беду.

Соня не произносит больше ни слова. Только принимает-ся теребить ремешок рюкзака — верный признак того, что она продолжает нервничать.

Утренняя пробка не позволяет нам расстаться быстро. Но теперь мы ведём себя так, как она попросила: как два чужих человека.

Непривычно...

Посматриваю на время и мысленно тороплю пробку. Впервые я боюсь остаться со своим ребёнком наедине.

Почему? Да потому что я не была готова к такому неожиданному допросу о её отце. И потому что я не приготовила для неё сказку о том, как он был космонавтом и улетел открывать новые планеты.

Хотя кого я обманываю? Я же прекрасно понимаю, что она не поверит мне. Моя дочь для этого слишком умна.

Когда машина наконец-то плавно останавливается у школьного крыльца, я мысленно ликую.

Жду, пока она отстегнёт ремень и убежит. Но она теперь, как назло, никуда не торопится.

Перед тем как открыть дверь, Соня на секунду замирает, бросает на меня быстрый взгляд — словно хочет что-то сказать.

Замираю и жду.

— Мам...

— Да?

Она смотрит на меня так внимательно, будто пытается запомнить моё лицо. От этого взгляда внутри появляется странное, неприятное предчувствие.

— Ты меня любишь?

— Что за вопрос, солнышко? Конечно, люблю. Больше всего на свете, — спешу ответить я, стараясь, чтобы голос звучал легко и уверенно. — А почему ты спросила?

Соня не смотрит на меня.

— И даже если я что-нибудь сделаю? Тоже будешь любить?

Я резко поднимаю на неё глаза и беру за руку.

— Сонь, о чём ты? Сделаешь что?

— Ничего, забудь, — торопится выпорхнуть из машины.

— Стой! — окликаваю её. — Что значит — забудь?! Соня, что с тобой происходит?

— Всё нормально! — не сдаётся мой упрямыш.

— Соня, не надо так... Если что-то произошло, лучше сказать. Доченька, ты меня пугаешь. Посмотри на меня, пожалуйста.

Она медленно поднимает глаза. Но я не умею читать мысли, и причин её поведения не понимаю.

Мешкает. Вижу!

— Ничего. Клянусь! Мне пора. Пока, мам.

— Стой. Доченька, можно мне тебя поцеловать? Или обнять? — с отчаянной надеждой в голосе спрашиваю я, протягивая к ней руки. Мне неожиданно становится страшно, что моя дочь имеет от меня какие-то тайны.

Соня на секунду замирает, но потом всё же сдаёт позиции:

— Ну... Давай, — нехотя соглашается она.

Я прижимаю её к себе, целую в макушку и пытаюсь вдохнуть запах её волос. Она пока всё ещё пахнет ребёнком, но я знаю, что скоро всё изменится.

Моя девочка слишком быстро растёт, но я, к сожалению, не успеваю этого заметить.

Чем крепче я прижимаю её к себе, тем сильнее напрягается в моих объятиях тело дочери.

— Мам, ну перестань, одноклассники смотрят! — недовольно шепчет она, и в её голосе прорезается та самая острая подростковая паника перед мнением улицы.

— Прости, — мгновенно тушуюсь я и размыкаю руки. — Если вдруг что-то случилось... — предпринимаю последнюю попытку для её откровения со мной... Ты всегда можешь мне сказать.

— Да, конечно.

Дочь сбегает к дверям калитки и открывает дверь, торопясь уйти.

— Сонь, после продлёнки жди меня в школе. Сама никуда не уходи! — напоминаю правила дня.

— Хорошо. Я знаю!

Всю дорогу до работы мне не даёт покоя наш короткий и непонятный разговор. Поведение и вопросы дочери крутятся в голове, цепляясь один за другой.

В голове настоящая каша.

Я убеждаю себя не паниковать раньше времени, но дурное предчувствие не исчезает.

На работе всё валится из рук. Я дважды перечитываю коммерческое предложение, но всё равно не понимаю смысла.

Следом путаю время встречи с будущими заказчиками, и едва не проливаю кофе на блузку.

После обеда сдаюсь. У меня по-прежнему не получается полноценно выполнять свои служебные обязанности, поэтому я хочу отпроситься, чтобы уйти пораньше.

— Анастасия, позволь мне уйти? — спрашиваю начальницу, заглядывая в её кабинет.

Она окидывает меня внимательным взглядом и даёт своё согласие.

— Ника, что-то случилось?

— Надеюсь, что нет. Нужно забрать дочь. Хочу поговорить с ней.

— О чём? — не стесняется просить меня Настя.

— Ох, Насть, не знаю. Она сегодня странная какая-то. Спросила об отце.

Моя начальница улыбается и кивает. Она знает, какой непростой характер у моей дочери.

— Ты готова к этому разговору?

— Нет.

— Я так и поняла.

— Так заметно, что я психую?

— За версту видно. Ника, не обманывай её. Скажи правду.

— Нет. Что ты, — не соглашаюсь с таким советом. — Зачем я буду её травмировать.

— А если потом она узнает правду от кого-то другого? Она же никогда не простит тебе этого.

— А от кого она может узнать правду? — пожимаю я плечами и рассуждаю вслух. — Моя мама ей её никогда не скажет. Я тем более. А больше никому. Папаша её канул в лету и за десять лет так и не появился. Так что... Мне самой можно

выбрать ту историю, в которую поверит моя дочь.

— И кто он в ней будет?

— Пока только про космонавта думала, — пытаюсь отшутиться.

— Зря ты так.

— Может и зря, но я хочу как лучше для неё.

— Благами намерениями... — Настя не заканчивает фразу, но все мы хорошо помним её окончание.

— Ладно, я побежала. Спасибо за поддержку!

— Беги!

С руководством мне повезло. У начальницы тоже сын подросток и она знает, как это — растить ребёнка без отца.

Пока я добираюсь до школы, на моё сообщение дочь не отвечает. Теперь у меня не просто плохое предчувствие, у меня самая настоящая паника.

Останавливаюсь возле калитки и тороплюсь к зданию. Пока подхожу, раздаётся звонок и на крыльцо высыпают дети. Они смеются, толкаются, перекрикивают друг друга.

Я внимательно всматриваюсь в лица, но Сони среди них нет.

Проходит пять минут, затем десять.

Я достаю телефон и снова набираю дочь. Из динамика доносится равнодушное сообщение о том, что абонент недоступен.

Ну, Соня! Ну маленькая недотёпа! Наверное, разрядился телефон.

Я повторяю эту мысль несколько раз, но она не успокаивает.

Когда поток учеников редет, я захожу в школу. На первом этаже встречаю классную руководительницу своей дочери.

— Елена Викторовна, здравствуйте. А Соня ещё в классе?

Женщина удивлённо поднимает на меня глаза. На мой вопрос в её взгляде читается искреннее недоумение.

— Соня? Нет.

— А где она? — оглядываюсь по сторонам. — Среди одноклассников я её не заметила.

— Подождите... Но вы и не должны были её заметить. Она ведь ушла после четвёртого урока.

— Как... — Я не сразу понимаю смысл её слов. — Как ушла? Куда?

Глава 3

— Домой. Она сказала, что вы разрешили ей добратся самостоятельно, — поясняет учительница уже не так уверенно.

Внутри всё обрывается. Где-то вдалеке хлопает дверь кабинета, звенят детские голоса, но теперь в голове лишь гул.

— Но почему вы позволили? — голос срывается на хриплый шёпот, в котором звучит не столько злость, сколько шок от того, как просто учитель говорит мне, что отпустила моего ребёнка. — Как вы могли отпустить Соню одну и просто на основании слов? Без звонка мне, без письменного заявления, без личного подтверждения?!

Улыбка исчезает с лица учительницы.

— Но... — мямлит она.

— Я ничего ей не разрешала.

— Понимаете, я была слишком занята. В школе сегодня шумно, очередная проверка на носу, отчёты горят. Ваша девочка подошла и так спокойно говорила, что у меня даже сомнения в её словах не возникло!

— Какие слова она сказала? — пытаюсь понять, за что мне можно зацепиться для поиска дочери. — Куда она собралась?

— Слово в слово не помню, дети кричали рядом, но примерно: «Мама на совещании, телефон не берёт, просила вам

передать, что мне срочно нужно ехать к врачу».

— К врачу... Какому?

— Не знаю. Точнее, не помню. Вероника Сергеевна, разве я могла подумать, что ваш ребёнок будет врать и так хладнокровно разыгрывать целый спектакль?!

— Это дети, вы больше меня знаете, как они умеют сочинять. Но самое удивительное, что вы ей поверили.

— Да, поверила. Ваша дочь недавно болела, и я не знала, что она у вас такая... актриса, — пожимает плечами классный руководитель, стараясь держать «лицо». Однако я всё равно замечаю, что ей страшно не меньше, чем мне. Она, по сути, нарушила главное правило школы: не отпускать школьника младших классов без сопровождения.

По позвоночнику струится холод. Тело покрывается мурашками страха.

Я лихорадочно достаю смартфон из кармана и, разблокировав его, тут же нажимаю на вызов. Ничего не меняется. Дочь не отвечает.

— Во сколько она ушла?

— Почти два часа назад, — теперь классная дама даже глаза на меня не поднимает.

Два часа... Моя девятилетняя дочь уже два часа находится неизвестно где.

— Вероника Сергеевна, не нервничайте только. Может быть, она уже дома? — начинает осторожно размышлять Елена Викторовна.

Набираю нашей соседке. Она пенсионерка и, как правило, всегда дома.

— Антонина Семёновна, здравствуйте. Это Ника, ваша соседка.

— Здравствуй, Ника.

— Простите за беспокойство, но вы не могли бы постучать в нашу дверь.

— Зачем? — с подозрением спрашивает меня. — Что-то случилось?

— Я не могу дозвониться до дочери и очень волнуюсь. В школе её нет. Классный руководитель сказала, что она ушла... к врачу. Но она не должна была идти ни к какому врачу.

— Прогулять решила, — слышу смехок мне в ухо, но мне не до смеха. Я скована страхом.

— Да, вероятно. Постучите к нам, пожалуйста.

— Хорошо. Только я не одета. Сейчас наброшу на себя что-нибудь, — сжимаю телефон в руке и закрываю глаза.

Меньше всего мне хочется слушать про то, что она не одета. Я готова просить её хоть голой выйти на площадку, лишь бы она сделала это как можно быстрее.

— Я тебе перезвоню.

Не успеваю попросить, чтобы она не сбрасывала звонок, когда мне в ухо уже вбиваются безжалостные короткие гудки.

Ждать в школе нет смысла и, не прощаясь с учителем, вы-

бегаю из класса, направляясь к машине.

Входящий звонок от соседки разрывает тишину салона.

— Алло, говорите, Антонина Семёновна.

— Ника, нет Сони дома. Я звонила несколько раз. Она не открыла дверь.

— Спасибо, — глухо благодарю соседку и завершаю разговор.

Дорога домой в обычные дни занимает ровно пятнадцать минут. Сегодня она превращается в бесконечную, мучительную пытку.

Я понимаю, что дома Сони нет, но куда ехать и где её искать, я даже предположить не могу.

Её подруга Таисия сейчас на продлёнке, и надежда, что она у подруги провалилась.

Погружённая в свои мысли проскакиваю на перекрёстке на жёлтый свет. Едва успеваю выкрутить руль, когда со встречной полосы доносится яростный гудок чёрного седана и отборный мат.

Водитель кричит мне вслед оскорбления, и крутит пальцем у виска, но мне плевать на его возмущение. В голове пульсирует только одна мысль: Соня ушла из школы и сделала это специально.

Но зачем?

Уговариваю себя, что она просто решила прогулять уроки, но чутьё подсказывает, что я ошибаюсь.

Моя дочь слишком ответственна для таких поступков.

Подъезжая к дому, глушу мотор, выхожу из салона и машинально поднимаю глаза к нашему окну. Окно комнаты дочери как раз выходит во двор. Ни света, ни открытого окна.

Я почти бегу к крыльцу, перепрыгивая через ступеньки.

На ходу выдёргиваю из кармана связку ключей, то не соскальзывают с ладони и с глухим звоном падают на бетон.

— Соня! — кричу, распахивая дверь. — Соня, ты дома?

Тишина. Хотя чего другого я ждала? Мне же соседка сказала, что Соня не открыла ей.

Но я не теряю надежды, что она могла спать и не слышать.

Заглядываю на кухню, в ванную, в спальню. Последней оставляю детскую, потому что до последнего надеюсь увидеть дочь именно там.

Но и там меня встречает пустота.

Сажусь на кровать и оглядываюсь по сторонам.

Замечаю, что в комнате беспорядок. Хотя для моей дочери подобное — это нечто за гранью.

Она помешана на том, чтобы каждая вещь знала своё место, и терпеть не может малейший хаос.

Школьная форма, которую она аккуратно надевала сегодня утром, небрежным комком брошена на стул, сменка валяется на полу возле кровати, рюкзак вообще так и не попадает мне на глаза.

Понимая, что у меня нет ответов на вопросы, в голове начинает стучать нарастающая паника. Круговыми движения-

ми начинаю массировать ноющие виски и успокаивать себя.
— Думай, Ника! — вслух приказываю себе. — Только не паникуй. Думай, куда она могла пойти.

Не позволяя себе плакать до этого времени, сейчас я отпускаю себя. Одна мысль, что скоро начнёт вечереть, а я не знаю, где моя дочь вводит меня в самый настоящий ужас.

Наверное, нужно позвонить в полицию. Они проверят камеры, и мы сможем проследить, куда она направилась из школы.

А ещё обойти людей во дворе. Может быть, они видели её и смогут сказать, не заходила ли Соня домой.

В горле пересохло. Даже глотать тяжело.

Иду на кухню, чтобы выпить воды, и замечаю на столе лист бумаги. Останавливаюсь и растерянно смотрю на него.

Я готова поклясться, что его точно не было здесь утром.

Пальцы дрожат, когда я беру бумагу в руки.

Записка. Хотя для девятилетки это, скорее, настоящее письмо:

«Мама, я знаю что ты обидишься, но ушла искать своего папу. Я ни хотела, чтобы ты злилась и потому ничиво тебе не сказала».

Запинаюсь на постоянных ошибках, но продолжаю концентрироваться на тексте дальше:

«Я знаю, где он. Не переживай за меня. с ним пагаварю и вернусь домой. я хочу узнать, почему он нас бросил. Телефон выключила, чтобы ты меня ни ругала».

Глава 4

Несколько секунд я просто смотрю на эти строки и не знаю, как на них реагировать.

То ли смеяться оттого, что моя дочь «нашлась», то ли паниковать ещё больше.

Она пошла искать своего отца... Но почему и откуда у неё возникли такие мысли?

У Сони никогда не было отца. Конечно, разумеется, биологически он существовал, но дочка не знала о нём ровным счётом ничего.

Но мало того что она не знала, она и не спрашивала ничего!

— О Боже... — прикладываю руки к щекам. — И с чего она решила, что она его нашла? Но самое — где?!

Снова опускаю глаза на записку дочери:

«Я знаю, где он. Не переживай за меня. Я с ним пагаварю и вернусь домой. я хочу узнать, почему он нас бросил. Телефон выключила, чтобы ты меня ни ругала».

Не переживать?!

Как она вообще может просить меня об этом? Как я могу не переживать, если я даже представить не могу, где мой ребёнок.

В голове мечутся десятки мыслей. Я пытаюсь вспомнить все наши разговоры за последние недели, каждое её странное

молчание, каждый вопрос, которому не придавала значения.

Она ни разу не спросила о том, где можно найти отца. Даже фамилии его не спросила. И где тогда она собиралась искать?

Я хватаю телефон и снова набираю её номер. Теперь появляются гудки! Уже хоть что-то.

В буквальном смысле перестаю дышать. Замерла и не двигаюсь.

Гудки идут долго, а следом включается автоответчик.

Но я не отступаю. Звоню ещё раз. Результат тот же.

Ладно, значит, буду ей писать!

Внутри, конечно, всё кипит, но я держусь.

Пальцы дрожат над экраном смартфона, и я вместо упрёков заставляю себя написать самые ласковые слова из всех подходящих:

«Солнышко, позвони мне. Я не буду ругаться. Просто скажи, где ты, и я за тобой приеду».

Хочется написать другое, но я понимаю, что с ней так нельзя. Если я сейчас сорвусь в истерику, если начну писать ей обвинения — она испугается и закроется от меня.

Нажимаю «отправить».

Рядом с сообщением появляется две галочки. Прочитала!

Жду, что она ответит мне или перезвонит, но в ответ лишь мёртвая, оглушающая тишина.

От понимания, что отвечать она не собирается, становится обидно. Ей, получается, совсем наплевать на моё волне-

ние?

Что ж, раз по-хорошему не вышло, я буду действовать по-другому.

Я не могу позволить себе оставить своего ребёнка непонятно где и с кем! Даже если она будет злиться и обижаться на меня, я буду её искать!

Сама, конечно, я не справлюсь, но уверена: правоохранительные органы мне помогут.

Первый, кто приходит на ум — мой жених Илья. Он работал в системе, и у него наверняка остались нужные знакомства, связи, да и просто понимание, с чего начинают поиски.

Встаю с кровати, снимаю с себя юбку и пиджак, бросаю их на кровать и лихорадочно натягиваю первый попавшийся спортивный костюм.

Закалываю волосы заколкой и, спеша к выходу из дома, зажав плечом телефон, набираю Илью.

Гудки идут один за другим, но теперь и Илья не отвечает. Это злит ещё больше.

От своего бессилия я чувствую себя совершенно разбитой.

Смотрю на время. Уже почти шесть вечера. Насколько я знаю, в это время Илья он уже должен быть дома. Значит, поеду к нему.

Я прячу записку в карман, хватаю сумку и выбегаю из квартиры.

На улице уже начинает темнеть. Осень вступила в свои

права, и ей плевать на то, что я потеряла своего ребёнка.

Я невольно оглядываюсь по сторонам, надеясь увидеть знакомую курточку, и тонкую фигурку моей дочери. Вглядываюсь в лица прохожих, оборачиваюсь на каждую девочку примерного возраста и роста.

Я сажусь в машину и несколько раз промахиваюсь мимо замка зажигания.

Наконец, двигатель заводится. Выезжая со двора, снова звоню Илье.

Безрезультатно.

До дома моего мужчины ехать около двадцати минут, но я добираюсь за десять.

Не знаю, сколько «писем счастья» со штрафами я получу сегодня, но сейчас я снова думаю об этом меньше всего.

Одна только мысль, что моя дочь заблудилась и не знает, как добраться до дома, заставляет меня паниковать.

Перед глазами постоянно стоит Соня.

Теперь я ругаю себя. Ругаю за то, что, заметив странное поведение своей дочери, я позволила ей отмолчаться.

Если бы я только почувствовала неладное...

Но я не почувствовала. Напротив, думала, что не нужно устраивать допрос и давить.

И снова я не понимаю, где эта долбанная золотая середина, которая позволит не перегибать в общении с моим ребёнком.

Подъезжаю к дому Ильи, оставляю машину прямо у подъ-

езда и набираю номер квартиры на домофоне.

Он отвечает не сразу:

— Кто?

Я уже открываю рот, чтобы сказать, что это я, но меня отвлекает курьер. Он остановился возле меня и бесцеремонно тычет мне в лицо телефоном:

— Девушка, вы не подскажите, как пройти к сорок второму дому?

Я отшатываюсь от него, сбитая с толку, и из-за этой секундной заминки не успеваю вовремя ответить в микрофон.

Динамик домофона взрывается повторным, куда более жёстким и злым требованием:

— Кто?! Говорите, или я положу трубку!

Открываю рот, чтобы, наконец, ответить, но тут же на заднем фоне в трубке домофона отчётливо слышу громкий, залиvistый женский смех.

— Илья... Это я, Вероника. Мне срочно нужна твоя помощь. Открой.

Глава 5

— А ты откуда здесь? — наконец спрашивает он.

Его вопрос сбивает меня с толку.

Несколько мгновений я стою перед закрытой дверью подъезда и открываю рот без звука.

Он что, свихнулся?! Я говорю ему, что мне срочно нужна помощь, что произошло нечто страшное, а он спрашивает, откуда я здесь взялась!

Словно сейчас действительно важно, каким образом я добралась до его дома и почему вообще решила приехать.

Раздражение вспыхивает мгновенно, но тут же тонет в понимании того, что я не могу сейчас с ним ругаться. Мне нельзя сейчас идти на конфликт. Я должна найти дочь.

— Всё потом, Илья! — выпаливаю я, стараясь говорить спокойно. — Просто открой, пожалуйста, дверь. Это срочно.

Мой мужчина тяжело выдыхает, однако дверь всё-таки открывает.

Я влетаю в подъезд, вызываю лифт и почти сразу передумываю ждать. Бегу наверх, цепляясь рукой за перила.

Сердце колотится не только от спешки, но и от понимания, что Илья не один. Женский смех, услышанный мной случайно продолжает звучать у меня в ушах.

Дверь квартиры открывается раньше, чем я успеваю позвонить.

Илья стоит на пороге босой, в расстёгнутой на шее рубашке и домашних штанах. Волосы слегка растрёпаны.

Слышу, что в квартире играет музыка и из гостиной доносится чья-то речь.

— Что произошло? — спрашивает Илья. Он встречает меня в дверях.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Говори, — не отступает с порога и не приглашает зайти в квартиру.

Он стоит, держась одной рукой за дверь, словно намеренно загораживает мне проход. Будто боится, что я увижу происходящее внутри.

Этот жест не уходит от моего внимания.

Плывать, мне и так всё понятно. Даже объяснения не нужны.

Засунув свою обиду и разочарование куда подальше, я хочу начать говорить, но из гостиной снова доносится женский смех.

Илья бросает быстрый взгляд назад.

— Давай выйдем на лестницу, — прикрывает спешно дверь.

— На лестницу? — переспрашиваю я, откровенно удивляясь.

— Я не могу пригласить тебя в дом. У меня там... гости. Сестра приехала.

— Илья... — разочарованно выдыхаю. — Прекрати. Это

как-то совсем не по-мужски.

— Ник, просто скажи, что случилось. Или ты пришла, чтобы обвинить меня в чём-то и включила истеричку?

Поднимаю на него ошеломлённые глаза.

Не желая слушать его дальше, отталкиваю Илью в сторону и прохожу в квартиру. Он, не ожидая, что я решусь на подобное, не успевает меня остановить.

— Ник, погоди.

Но я его не слушаю. Я лишь хочу понять, что делает какая-то девушка в доме мужчины, который сделал мне три недели назад предложение.

Если это действительно сестра, я готова извиниться и признать, что в мою голову залезли неправильные и оскорбительные мысли.

Захожу в комнату и замечаю на диване девушку. Она сидит с бокалом в одной руке и с телефоном в другой.

На ней нет ничего, кроме нижнего белья.

Перевожу взгляд на стол. Там стоит открытая бутылка вина, рядом стоят две тарелки с фруктами и сыром.

Её туфли небрежно брошены возле дивана, а на спинке кресла висит её платье.

Этого уже достаточно, чтобы всё понять. Сестра, значит... А я истеричка...

Ещё три недели назад Илья стоял передо мной на коленях. Держал в руках маленькую бархатную коробочку и смотрел так, будто в целом мире для него существуя только я.

Он говорил, что хочет просыпаться рядом со мной каждый день. Что готов стать семьёй не только мне, но и моей дочери. Что никогда не заставит меня пожалеть, если я соглашусь.

И я поверила. Ответила ему «да».

— Ой, у нас гости. Здрасте, — подаёт уверенно голос девушка.

— Здравствуйте.

Дальше появляется пауза. Ни я, ни она не знаем, что сказать.

— Девушка, простите, конечно, но вы долго будете пялиться на меня?

Только после этих слов я понимаю, что всё это время не могу отвести от неё глаз.

— Ник... — стоит за моей спиной теперь уже бывший жених. — Ты чего приехала? Что случилось?

Поворачиваюсь к нему и смотрю на его лицо. Не понимаю, что чувствую в этот момент.

Боль от предательства? Нет. Разочарование в нём? Тоже нет. Неприязнь? Вероятно. А точнее — отвращение. Вот это слово подойдёт куда лучше.

— Ты последние дни была слишком занята и я...

— Решил развлечься. Я поняла.

— Я смогу всё объяснить, — бубнит до этого момента уверенный в себе мужчина.

— Не надо. У меня нет времени слушать ложь. Илья, по-

моги. А потом... можешь быть свободен.

Я протягиваю ему записку, уверенная, что этого достаточно, чтобы он понял, какая у меня проблема.

Он берёт её, опускает глаза и перечитывает записку несколько раз.

— Что там? — спрашивает женщина с дивана.

В её голосе появляется любопытство, от которого мне хочется вытолкнуть её из этой квартиры. Она не имеет права вмешиваться. Не имеет права слышать то, что касается моего ребёнка.

Но мужчина не просит её уйти. Даже не закрывает дверь в гостиную.

— Для вас ничего интересного, — бросаю через плечо. — Посидите тихо. Я скоро уйду.

Девушка фыркает и отвлекается на болтовню по телефону.

— Пойдём на кухню, — продолжаю как можно спокойнее.

— Хорошо, — говорит предатель и возвращает мне записку. — То есть она пошла искать своего папашу?

— Да, отца. Но это для меня полная неожиданность.

— А от меня что нужно?

Глава 6

— Мне нужна твоя помощь. Ты же бывший полицейский.

— Вероника, я бывший полицейский!

— И что?

— Ничего. Просто уточнил.

— В любом случае у меня проблемы и к кому мне было ещё идти, как не к тебе?

— А что я могу для тебя сделать?

— Илья, помоги. У тебя связи с в органах. Если я сама приду в полицию, они скажут ждать. А я не могу. Я сойду с ума, пока она объявится.

— Вот, Ника! — неожиданно мой жених повышает тон. — А я ведь тебе говорил, что у твоей дочери сложный характер! Её надо было драть как сидорову козу, а ты всё разговоры разговаривала с ней... — вижу, что он не торопится кому-то звонить. Даже телефон в руки не берёт.

— Прошу, набери друзьям, — настаиваю, пропуская мимо ушей разговоры о методах воспитания моей дочери. — Обратись к ним! Я уверена — они тебе не откажут.

Илья молчит. Отводит взгляд и отворачивается от меня, однако спустя несколько секунд всё-таки берёт со стола телефон.

Когда на экране появляется список контактов, во мне вспыхивает надежда. Значит, всё же решил помочь.

— Этот уволился три дня назад. С этим я никогда нормально не контактил. Этот... Ему я вообще не хочу быть обязанным, — бормочет Илья, пролистывая записную книжку с именами бывших сослуживцев. — Вероник, не могу я тебе помочь.

Он без колебаний отбрасывает один вариант за другим, находя причину не звонить каждому из знакомых. Я наблюдаю за ним, и моя недолгая радость постепенно сменяется разочарованием.

— Вероник, ничего не получится, — наконец заявляет он. — Я не могу тебе помочь.

Илья торопливо закрывает список контактов, блокирует телефон и кладёт его обратно на стол, словно одним этим движением ставит точку в нашем разговоре.

— Ты даже не попробовал... — разочарованно говорю, глядя на то, как он равнодушно тянется к куску сыра. — Я тебя никогда ни о чём не просила. Попросила только сейчас. Ты не понимаешь, что мой ребёнок пропал? — Впервые в отношениях с ним я повышаю голос.

— Не кричи, — отрезает.

— А я и не кричу. Я просто растеряна и напугана. Я не знаю, где моя дочь. Она ушла из школы несколько часов назад, её телефон выключен. Как, по-твоему, я должна разговаривать?

— Для начала успокойся.

Эти слова вызывают во мне почти физическую боль.

Успокойся...

Так обычно говорят люди, которым ничего не угрожает. Те, чей ребёнок сейчас не бродит в одиночестве по вечернему городу.

— Пожалуйста... — снова переступаю через свою гордость. — Мне больше не к кому...

— Сказал же: не могу. Я не хочу никому быть обязанным, — раздражённо обрубает.

После этих слов предатель украдкой смотрит в сторону гостиной.

Одного этого взгляда хватает, чтобы я всё поняла. Илья хочет лишь одного — поскорее выставить меня за дверь и вернуться к полуголой девице, которая дожидается его в соседней комнате.

Я поднимаю глаза и впервые за долгие месяцы вижу своего бывшего жениха таким, какой он есть на самом деле.

Без красивых речей, роскошных букетов и дорогих ресторанов. Без громких обещаний и искусной игры. Без обаятельной улыбки, которая каждый раз заставляла меня терять бдительность. Без желания понравиться и казаться лучше, чем он есть.

Теперь передо мной настоящий Илья: холодный, эгоистичный и совершенно равнодушный к моему отчаянию.

Его не волнует ни мой страх, ни то, что со мной произошло. Он не собирается помогать и даже не пытается скрыть, насколько ему безразличны мои проблемы.

— Что написано в записке? — задаёт мне странный вопрос, когда я тороплюсь уйти.

— Ты о чём? — проглатываю ком слёз в горле. — Ты же её прочитал.

— Нет, я не об этом. Я тебе напоминаю: что написано в записке?

— Она пошла искать... — смахиваю непрошеную слезу.

— Верно. Своего папашу. Вероника, отключи истерику и включи логику, — произносит он медленно, будто объясняет что-то несмышлёному ребёнку. — Где она может его найти? И как она могла узнать его адрес. Поймёшь это, поймёшь всё остальное.

Он откидывается на спинку стула и складывает руки на груди. В его голосе звучит привычная снисходительность. Слово он уже всё решил, разложил по полочкам и теперь великодушно даёт мне шанс догадаться самой.

— Спасибо за подсказку. Прощай.

— Прощай? — В его тоне слышится искреннее недоумение.

Он ведёт себя так, словно я сказала что-то нелепое, и будто это не он только что разрушил всё, что между нами было.

Я останавливаюсь, но не поворачиваюсь сразу.

— Конечно. А ты думал, что я закрою глаза на твою... сестру?

Он поднимается со стула и подходит ко мне вплотную.

Я невольно отступаю на полшага. Не хочу, чтобы он был

так близко ко мне. Не хочу чувствовать запах его парфюма, который ещё вчера казался приятным и родным.

Замечаю, что Илья растерян.

— Вероника, прекрати. То, что ты видела в гостиной — это ничего не значит. Кроме того, мы пока даже не женаты.

Последние слова он выделяет особенно, будто они должны что-то исправить.

Я коротко усмехаюсь.

— Для таких, как ты — да. Для таких, как я — значит.

— Ой, прекрати, а! — театрально вздыхает.

— А я и не начинала.

— Но ты ревнуешь. Было бы к кому...

— Хорошо. Я поняла. Не к кому... Но давай сейчас тогда сразу представим обратную ситуацию. Если бы ты застал меня с другим мужчиной, например, со своим братом. Ты бы как, тоже не обратил на это внимания?

Его лицо мгновенно меняется. Челюсть напрягается, в глазах вспыхивает злость.

— Не передёргивай! Я мужик! Для мужика это нормально. Физиология, знаешь ли, её никто не отменял. А ты вечно то уставшая, то дочь у тебя болеет, то помогать ей с уроками надо. Я терпел сколько мог!

— То есть в твоей измене виновата моя дочь?

— А кто ещё. Она в наших отношениях была как балласт!

Даже не успеваю подумать о последствиях, как рука сама взлетает вверх. Звук пощёчины получается коротким и су-

хим.

Его голова дёргается в сторону. На щеке почти сразу появляется красное пятно.

Мы оба замираем.

Он медленно поворачивает голову и смотрит на меня. В его глазах нет ни вины, ни понимания. Только оскорблённая гордость.

— Подобное я прощу тебе только один раз... — предупреждающе говорит мне.

— А больше и не понадобится.

Я больше не хочу ничего объяснять. Разворачиваюсь и выхожу из квартиры.

— Кольцо верни! — слышу вслед.

Опускаю глаза на руку. Точно, кольцо.

Снимаю его с пальца, присаживаюсь и кладу его прямо на пороге.

Не успеваю отойти и на пару метров от квартиры, как почти сразу снова начинает играть музыка.

На ватных ногах спускаюсь вниз, держась за перила. На втором этаже останавливаюсь, присаживаюсь на лестницу и всё-таки звоню в полицию.

Коротко объясняю ситуацию, называю возраст дочери, описываю её одежду, диктую адрес школы и наш домашний адрес.

Дежурный полицейский задаёт мне вопросы, я терпеливо отвечаю на них, стараясь говорить как можно спокойнее.

Выслушав меня, он отвечает то, что я и ожидала: подождите немного, вернётся сама.

Прощаюсь с полицейским и спешу к своей машине.

Не обращая внимание на то, что я очень расстроена и рассержена, я пытаюсь вспомнить слова своего бывшего жениха: Вероника, отключи истерику и включи логику. Где она может его найти? И как она могла узнать его адрес.

Несмотря на то что он оказался предателем, он прав. Мне нужно понять, каким образом Соня нашла своего отца.

Уверена: поняв это, я смогу найти дочь.

Глава 7

КОНСТАНТИН

— Если мы будем продолжать двигаться такими темпами, в ближайшее время выйдем на новые доходы, — говорит мой заместитель и смотрит на меня с нескрываемым воодушевлением.

Он переключает слайд и на большом экране появляется очередной график с ползущей вверх линией.

Я тоже киваю, стараясь придать лицу выражение полной вовлечённости.

— Я очень рад. Спасибо вам за работу, — говорю, улыбаясь. — На сколько, по вашему мнению, нам нужно увеличить вливание активов, чтобы выйти на международный уровень?

Мой заместитель задумывается.

— Миллионов двести. При условии, что ваши прогнозы сбудутся, — сразу поправляется.

— Да, значит, я всё верно рассчитал.

Думая о перспективе выхода на более серьёзные площадки, я понимаю, что наконец-то добился всего, о чём когда-то мечтал. Точнее, почти всего.

В тридцать пять лет я могу позволить себе практически всё. И отличный дом, и хорошую машину, и возможность не смотреть на ценники в магазинах.

Я смело могу заказать любое блюдо в ресторане, улететь

в другую страну первым же рейсом и купить любую вещь, потому что старая мне надоела.

У меня нет одного: семьи. Но и этот вопрос тоже скоро будет закрыт.

— Но где мы возьмём эти деньги? — как-то не неуверенно спрашивает меня финансовый директор. — Из оборота взять, конечно, можно. Но...

Я не спешу отвечать. Необходимая сумма у меня пока не собрана, но половиной я уже располагаю. Нужно лишь найти оставшуюся часть, и решение этого вопроса лежит на поверхности.

Отец Маргариты давно предлагает вложиться в дело вместе и всё ещё ждёт, соглашусь ли я на его условия.

Предложение отца Маргариты действительно кажется самым простым выходом. Но принять его мне труднее, чем может показаться. А всё потому, что я не хочу смешивать бизнес с семейными отношениями, пусть формально родственниками мы ещё и не стали.

Деньги слишком легко превращают близость в зависимость, а обычные разногласия — в личные обиды.

Поэтому согласиться на его предложение я пока не решаюсь.

Я никогда не стремился и не хочу даже ради международной площадки связывать себя обязательствами с теми, с кем в случае чего сложнее всего разойтись.

Я всегда был из тех, кто скрупулёзно просчитывает риски.

И здесь, риск нарваться на неприятности куда выше, нежели взять деньги в банке под процент.

Если что-то вдруг не сложится, получается, деньги потеряет не только моя семья, но и отец жены. А такого я допустить не имею права.

— Я буду думать, где взять деньги. Это моя забота. В оборот точно не полезем.

Вижу, как финансовый директор расслабляется.

— Дальше... — не успеваю закончить предложение, когда дверь переговорной едва слышно приоткрывается.

Удивлённо перевожу взгляд в сторону звука. Сам факт того, что кто-то позволил себе войти во время совещания, не постучав, заставляет меня насторожиться.

Мой секретарь Марина отлично знает заведённый порядок: пока идёт совещание, беспокоить меня запрещено.

Нарушить это правило можно лишь в исключительном случае, когда вопрос действительно не терпит отлагательств.

Смотрю на неё лицо и сразу замечаю неладное. Обычно сдержанная, уверенная и невозмутимая, сейчас Марина выглядит непривычно взволнованной.

Её губы напряжённо сжаты, а в глазах застыла тревога, которую она даже не пытается скрыть.

В переговорной повисает тишина.

— Константин Андреевич, простите, — осторожно проносит Марина. — Вас ждут в приёмной.

Несколько секунд я смотрю на неё, ожидая продолжения.

Но его не следует.

— И что? Пусть подождут.

— Да. То есть... Нет. Никак.

Я бросаю быстрый взгляд на часы. Совещание длится уже больше часа, но до его окончания ещё далеко.

Никаких незапланированных встреч на сегодня у меня нет. А если бы приехал кто-то из партнёров или клиентов, Марина предложила бы подождать либо перенесла встречу на другое время.

— Почему? Марин, когда речь касается финансов, я просил не отвлекать меня.

— Я знаю, Константин Андреевич. И всё помню. Но... — Марина на мгновение опускает глаза, — она слишком настойчива.

— Она?

— Да.

В этот момент я догадываюсь, что, скорее всего, речь идёт о Маргарите.

— Маргарита подождёт, — без всякого сомнения обрубая я и удивляюсь, как Марина пошла ей на уступки. Правило не отвлекать меня от совещаний распространяется даже на неё.

— Нет, нет, это не Маргарита.

— А кто? — Моё раздражение понемногу уступает место настороженности.

Марина переступает с ноги на ногу и бросает короткий взгляд на присутствующих. Похоже, ей неловко говорить о

том, кто решился на беспокойство при посторонних сотрудниках.

Это окончательно сбивает меня с толку.

— Там... Там девочка, — наконец произносит она.

Вместе с креслом я поворачиваюсь к подчинённой всем корпусом.

— Девочка? — мне требуется несколько секунд, чтобы осмыслить услышанное. Из всех возможных вариантов, которые я слышал, этот оказывается самым неожиданным.

— Да, девочка.

— Ничего не понимаю. Меня ждёт девочка? Не девушка? — снова переспрашиваю я, всё ещё надеясь, что неправильно расслышал Марину.

Краем глаза замечаю, как кто-то из сотрудников улыбается. Я обвожу собравшихся тяжёлым взглядом, и веселье мгновенно исчезает.

— Да, — осторожно подтверждает помощница. — Маленькая. А, ещё... Ох... Константин Андреевич, если совещание нельзя отменить, можно я всё расскажу вам на ухо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.